

ВЕРНИСАЖ

Пермь как фантом

Музей современного искусства представил графику пермских художников

Анастасия Кожевникова

В музее PERMM открылась выставка «Живая пустота». По признанию куратора и искусствоведа Анны Суворовой, задача перед ней стояла непростая — отобрать среди всех пермских художников только тех, кто представляет новейшие тенденции развития пермской графики.

Коллекция продолжает выставку-исследование «Актуальный рисунок», доставленную в PERMM из Русского музея. Пермская графика также является в неожиданном виде — имея в основе и вышивку, и картины, и бытовые мелочи. Но изменение формы и материала работ Анна Суворова отодвигает на второй план, акцентируя внимание на идее — особенностях постмодернистской концепции искусства: «Если для художника эпохи модернизма важно было изобрести свою форму, свой метод, то для художника актуального искусства важной становится идея. Меняется зависимость: не способ рисования главный, а мысль. И она может быть легитимно реализованной в любых медиа. В Перми слой, связанный с современным искусством, очень тонкий».

Потому и художники на выставке — сплошные звёзды. И известные Иван Лукиных с четой — Ольга Субботина и Михаил Павлюкевич, и ключевые для пермского искусства имена Анатолий Френкель и Вячеслав Смирнов, но уже в новом качестве. Так, Анатолий Френкель нарисовал серию EVIDENCE AF1 специально для выставки в большом, непривычном для себя масштабе.

Заявленная в названии «пустота» прочитывается Анной Суворовой как фантомность пермской сущности, как тени в объекте SUM Ильи Гришаева — процарапанные на пластике линии отображают на стену контуры ландшафта, создают световые карты. География всё чаще начинает волновать молодых художников. Достаточно вспомнить недавно открывшуюся выставку Алексея Щигалева «Место памяти», где совмещение координат, точка на карте хранит впечатления прошлого и обещает будущее.

Свои «карты» представили художники Ольга Субботина и Михаил Павлюкевич. Объект «Территория, точка зрения» являет иллюзорные воспоминания не то об Усолье, не то о других маленьких городках. Сами художники отмечали, что этот образ скорее собирательный. По рисунку из скопления точек перемещаются белые фигурки людей, неопознанные, как и город-призрак, составленный из жжёных спичек.

Другая «карта» Субботиной и Павлюкевича — «Одиночный пикет» — один из немногих объектов, осмысляющих политическое в контексте выставки. Наряду с «Композицией из 45 цветов» Вячеслава Нестерова — уши, глаза и остатки волос на голове президента в разных вариациях. Причём каждая по-своему иронично подписана, например «Герберы» и «Гиацинтус».

Анна Суворова относит его рисование к гиперреализму: «Слишком детализированный рисунок напоминает нам тщательно прорисованные картинки из букваря». Но в то же время является ли такой рисунок документальным или уже плохо сочетается с реальностью, как Путин и гербера? В таком же ключе работы со сверхреальностью у Нестерова создано ещё несколько серий. Молодой художник активно продаёт свои иллюстрации за границей, а в Перми ещё не приобрёл широкую известность, что справедливо решили исправить в PERMM.

Пермским иллюстраторам есть на чём основываться — в городе благодаря деятельности Пермского книжного издательства со сотысячными тиражами в период 1960–1970-х годов была создана отличная база. Но говорить о преемственности здесь трудно, потому что затем в счастливой истории пермской иллюстрации наступил разрыв, и в период 1990–2000-х графика перестала конкурировать с произведениями живописи. Это привело к тому, что пермские художники перестали заниматься офор-

том, линогравюрой. Прочили смерть и графике, которая осталась на удивление актуальной.

Более обширной, в отличие от политической, получилась тема света. Художник Пётр Стабровский, известный своими световыми экспериментами, создаёт графические изображения на поверхности светящихся кубов, используя при этом незамысловатые материалы вроде бумаги. Совсем по-другому с темой соотносятся абстрактные работы Анатолия Френкеля и Вячеслава Смирнова, чьи чёрно-белые работы в прошлом году представляли исследование отношений между тьмой и светом на материале романа «Мастер и Маргарита».

Серия вышитых посланий CITYMENTAL Елены Слобцовой, наоборот, выполнена в цвете. С одной стороны, её работы отсылают зрителей к плакатному искусству — существующим в публичной плоскости изображениям с незамысловатыми подписями в духе «Я хочу веселиться!», с другой — к интимным дневниковым записям. В форме линий Елены Слобцовой есть нечто хтоническое: при ближайшем рассмотрении они могут напомнить и ползучих насекомых. Что, впрочем, вполне сочетается с кодом пермской земли.

По-особому его раскрывает Иван Лукиных. Его гигантский рисунок изображает одновременную жизненную и невозможную сцену бритья головы

в песочнице. По словам Анны Суворовой, художник просто увидел эту картину в окне и зарисовал — получилась похоже на подготовку к фреске. Удивительно, насколько хрупкой кажется работа при её масштабе и сюжете. Она лучше всего укладывается в определение графики Анны Суворовой: «Казалось бы, графика — беспомощное искусство. Как карандаш и бумага могут конкурировать с инсталляцией, перформансом или видеоартом? Но язык графики трансформируется и переходит в контекст актуальных арт-практик. Идея графического — зафиксировать мимолётное через простые языки. Часто она имеет подготовительный характер и потом умирает в реализованном произведении. Графика говорит о первых впечатлениях и идеях».

Поэтому, когда куратор стала собирать произведения, показалось, что идея ирреальности очень логично объединяется с одной из главных составляющих пермской идентичности — фантомности Перми, отражённой в текстах Владимира Абашева как край чего-то пространного.

Воплощение пермского культурного кода логично дополняет код северной столицы, представленный в музее двумя этажами ниже. Искусствовед Александр Боровский назвал Петербург воплощением графического. Теперь вполне заслуженно на этот статус может претендовать и Пермь.

ФОТО КОНСТАНТИН ДОЛГАНОВСКИЙ

